

К Всероссийскому социологическому конгрессу

© 2000 г.

Ю.М. РЕЗНИК

"СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ" КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕЗНИК Юрий Михайлович - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, директор Института социальной инженерии Московского государственного университета дизайна и технологии.

Постановка проблемы

Появление статьи Ж.Т. Тощенко, посвященной предметным основаниям социологической науки, побудило меня еще раз обратиться к рассмотрению концепции "социологии жизни" [1]. С одной стороны, автор статьи развивает известную читателям по его предыдущим публикациям версию предмета социологии, с другой, он делает заявку на новую концепцию исследования социальной реальности.

Можно предположить, что автор знаком с моим подходом, поскольку в последнем издании своего учебного пособия по социологии он приводит одну из первых публикаций на данную тему [2]. К сожалению, мы не находим в статье подробное описание самого понятия "социология жизни". О том, что речь идет именно о ней, мы узнаем лишь в конце статьи. "Все названное, - пишет здесь автор, - позволяет нам назвать данную концепцию *социологией жизни*, так как она оперирует показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут" [1, с. 12]. Здесь же приводится сноска на его учебное пособие, в котором, по мнению автора, изложена концепция социологии жизни и авторская интерпретация объекта и предмета социологической науки. Раз это так, следует обратиться к первоисточнику [3].

В чем же суть авторской интерпретации социологии, которую он определяет не иначе как "социология жизни". Суть, оказывается, весьма проста: "человек в обществе, а не общество для человека" [3, с. 4]. О том, что же такое социология жизни и чем она отличается от других подходов или интерпретаций, автор прямо не говорит. Остается только реконструировать его позицию.

Ж.Т. Тощенко начинает свою статью с риторического вопроса: "есть ли в современной отечественной социологии научные школы?" [1, с. 3]. Ответ неутешительный. Автор приводит множество аргументов в подтверждение этого вывода. Некоторые критики относят отечественных социологов, пытающихся найти собственную модель социологии, к числу эпигонов и "примыкателей" к западной науке. Пускай эти слова останутся на совести Р.В. Рыбкиной и Е.С. Барзговой, мнение которых приводит автор. Мы ждем от них практических рекомендаций о том, "как нам обустроить" отечественную социологию, а не сетований на негативную и напрочь идеологизиро-

ванную модель советской общественной науки, лавры которой они не так давно пожинали.

Ж.Т. Тощенко дает краткий обзор основных подходов к определению предмета социологии, имеющих в отечественной литературе. Он отвергает как ортодоксально-марксистский подход, приравнивающий социологию к учению об обществе вообще, так и функциональный подход, в рамках которого общество или социальные общности изучаются как социальные системы. Не обходит он своим вниманием и концепцию "социальной сферы" как объекта социологической науки. Не будем останавливаться на критических замечаниях автора по поводу функционализма. Об идейных предпочтениях, как и о вкусах, не спорят.

Во второй части статьи автор обращается к характеристике ситуации в осмыслении предмета социологии, сложившейся в отечественной науке в конце 90-х годов. Он обращает внимание на "человековедческий" аспект в исследовательской проблематике и тематике учебников и учебных пособий по социологии. Полагаю, что не последнюю роль в этом сыграли публикации по социальной антропологии, судьба которых в "Социсе" не была самой легкой. И, хотя мы не находим у автора прямого упоминания о социальной антропологии и антропологической ориентации социологии, он признает то важное значение, которое сыграл в целом антропоцентрический подход.

Вывод Ж.Т. Тощенко таков: "современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии" [1, с. 8]. Трудно с этим не согласиться. Вполне справедливо и замечание автора о том, что объектом социологии уже не может выступать общество, как таковое. Второе же его замечание связано с тем, что социология не претендует на изучение человека. «Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению (поэтому социология употребляет понятие "личность")» [1, с. 8].

Итак, что же превращает, по мнению Ж.Т. Тощенко, его версию социологии в "социологию жизни"? Остановимся на некоторых исходных посылах автора.

Во-первых, его интересует не общество для человека, а человек в обществе. При этом он настаивает на объективном анализе объективной деятельности людей, живущих в обществе. Казалось бы, субъективная сторона социальной жизни Ж.Т. Тощенко не интересует. Но как же тогда быть с феноменами сознания? Или последние автор, подобно Э. Ильенкову, считает "объективными мыслительными формами"? В этом случае ему придется полностью проигнорировать мощное идейно-теоретическое течение мировой социологии, которое связано с именами М. Вебера, А. Шюца, Т. Лукмана и других представителей субъективистской традиции — символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии и т.д.

Во-вторых, "социальная жизнь человека начинается с осознания (знания, оценки, мотивов) окружающих его реалий, выработки установок и претворения их на практике с учетом тех объективных условий глобального и конкретного характера, в которых функционируют сознание и поведение людей" [3, с. 4]. Каким же образом соотносится тогда "реальное сознание" с объективной сущностью жизнедеятельности человека в обществе? На этот вопрос мы не находим у автора прямого ответа. Он продолжает конкретизировать целесообразность рассмотрения реального сознания и поведения людей в качестве предмета социологии.

Зададимся элементарным вопросом: почему именно реальное сознание автор считает предметной областью социологии? А разве мифы, заблуждения, ложные представления, явления бессознательного и нереального (или иррационального), не относящиеся напрямую к сфере сознания, но господствующие в данном обществе, не следует изучать методами социологии? Что же тогда можно считать реальным? То, что существует и проявляется объективным образом и, следовательно, не может осознаваться и переживаться? Или то, что автор называет не иначе как "живое", "практическое" и "повседневное"?

Можно выдвигать и другие предположения и догадки, но понять онтологический статус реальности из приведенных в статье рассуждений Ж.Т. Тощенко так и не удастся. Социальная реальность - лишь одна из сторон жизненного мира людей наряду с его идеальным содержанием [4, с. 23-47]. С этой точки зрения выражение "реальное сознание" лишено смысла. Сознание отражает реальность, которая в свою очередь обуславливает его. Реальностью обладает не само сознание, как таковое, а поведение субъекта, выступающее на поверхности социальной жизни как внешнее, предметно-чувственное проявление деятельности людей, опосредствующее их взаимодействие с окружающим миром.

В-третьих, по мнению автора, "общественное сознание и поведение становится предметом изучения только в условиях гражданского общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства" [1, с. 11]. Следовательно, объект социологии - гражданское общество, т.е. "совокупность соответствующим образом организованных, исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности, определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек во всех сферах общества - экономической, социальной, политической и духовной" [3, с. 34]. Словом, это общество, которое появляется на стадии капитализма. Автор убежден, что "именно при появлении капитализма люди на качественно новой основе стали воздействовать на ход общественной жизни" [3, с. 34].

Я не могу признать правомерность данной трактовки гражданского общества и общий гуманистический пафос авторского понимания капитализма. Подобная точка зрения не позволяет различать гражданское и буржуазное (или капиталистическое) общества. А между тем гражданское общество есть неотъемлемая часть современного социума, а не его целостное состояние [5].

Следуя логике автора, необходимо признать, что социология как область научного знания появляется только в условиях капитализма. По этой причине Россия, которая только становится на этот путь, не может иметь достаточно развитое социологическое знание. Поэтому автор, признавая отставание отечественной социологии, должен принять и тот факт, что написанный им учебник по социологии либо относится к описанию реалий чужого нам западного мира, где, как известно, уже сформировано то самое развитое гражданское общество, которое дорого сердцу автора, либо является сводом его субъективных представлений о социальной жизни вообще с учетом незначительных иллюстраций на материале отечественных исследований. Тем самым вся отечественная социология 60-80-х годов, существовавшая в условиях так называемого "тоталитаризма", является идеологическим вымыслом, поскольку ее попросту не должно быть.

Таким образом, одно противоречие рождает другие. Выражение "человек в обществе" исключает или принижает субъективный аспект человеческих действий. Выражение же "реальное сознание" лишено в свою очередь строгого онтологического смысла. И, наконец, реальность сознания и поведения не может автоматически вытекать из сути гражданского общества как феномена современной индустриальной цивилизации. Здесь причина меняется со следствием. Объект всех социальных наук ("человек в обществе") и объект социологии ("гражданское общество") объясняется из предмета последней ("реальное сознание и поведение"), который в свою очередь постулируется лишь применительно к условиям существования гражданского общества, возникающего на стадии зарождения капитализма. Может быть, все-таки не стоит так жестко привязываться к гражданскому обществу при обосновании объекта социологии, а попытаться определить ее научный статус, исходя из понимания современности, на рефлексии которой выросла вся мировая социологическая мысль.

В то же самое время предмет социологической науки не очень корректно раскрывать через движущие силы сознания и поведения людей в обществе. Предмет любой науки не может включать (или не включать) сознание или поведение. Он является

теоретическим выражением объекта и формулируется в виде существенных для данной науки закономерностей функционирования и развития объекта.

Что же касается предмета социологии, то критикуемые автором подходы к его определению не столь уж безосновательны. Ее предметом выступают не факты сознания и поведения, как считает Ж.Т. Тощенко, а "устойчивые и повторяющиеся образцы поведения людей в обществе" [6, с. 10]. Эти типизированные формы или образцы описываются в терминах социальной позиции и роли, социальных структур и действий, социальных групп и институтов, совокупность которых охватывается понятием "социетальная организация". С моей точки зрения, именно социетальные структуры и процессы организации современного общества, формирующиеся на основе единого нормативного порядка, и выступают на первый план социологического познания [7, с. 81-98]. Следовательно, далеко не все факты сознания и поведения людей могут входить в предметную область социологической науки. Социология занимается лишь теми из них, которые представлены в регулярно воспроизводимых и типических образцах социальной практики людей. Она изучает не "живое сознание" или "живое поведение" во всем их разнообразии, а закономерную связь социетальных явлений и процессов, выраженных в виде образцов и моделей поведения.

Вернемся теперь к характеристике концепции социологии жизни. Представляется, что в указанных выше публикациях отсутствует подробное обоснование ее научного статуса. Так, и в учебном пособии, и в ряде статей Ж.Т. Тощенко понятие "социология жизни" не определяется строго. Оно вводится лишь для обозначения авторской версии предмета социологии как науки о феноменах "реального сознания и поведения людей в гражданском обществе".

Поэтому складывается впечатление, что автор отождествляет феномены сознания и поведения с реальной социальной жизнью. "Иначе говоря, живое, практическое сознание и поведение - это реально функционирующая общественная жизнь..." [3, с. 46]. Вряд ли с этим можно согласиться. Реальность - это еще не вся жизнь, а лишь одно из ее измерений. Она не становится "живее" даже после соприкосновения с практикой, вне и помимо которой ее трудно себе представить. Следовательно, версия "социологии жизни", которую выдвигает Ж.Т. Тощенко, является формальной с точки зрения критериев, предлагаемых для отбора тематического и предметного содержания концепции. Другими словами, данное название не столько отражает жизненные процессы и явления, сколько служит еще одним вариантом обозначения авторского понимания социологии.

Как известно, новое название не всегда несет в себе новое содержание. Позиция автора, которую можно условно обозначить как "объективистский реализм", затрудняет, на мой взгляд, возможность поиска других альтернатив развития социологического знания, не связанных ограничениями традиционной субъект-объектной логики.

Что же все-таки следует понимать под социологией жизни? "В моем понимании социология жизни - относительно новое направление социальной науки, складывающееся на стыке социологии, философии и социальной психологии и изучающее жизненные процессы людей в их социальном контексте. Это особое видение и восприятие социального мира, при котором последний рассматривается сквозь призму человеческой жизни (ее объективных и субъективных начал) и в тесной связи с ней, а не абстрактно и отвлеченно" [8, с. 12]. Я продолжаю настаивать на том, что "социология жизни не имеет объекта в его традиционном ("объективистском" и натуралистическом) понимании... На объективном уровне социальной жизни социолог фиксирует факты поведения и взаимодействия участников жизненного процесса, а на субъективном - факты их индивидуального и коллективного сознания, выраженные в суждениях, оценках, мнениях и пр." [8, с. 13].

Попытаемся еще раз определить научный статус социологии жизни как направления междисциплинарных и комплексных исследований.

Две социологии для одного общества

Исследовательская сфера всей современной социологии дифференцируется внутри себя на две относительно самостоятельных части: исследование системной организации социального мира (собственно "системного мира" социума) и изучение жизненного мира (прежде всего, в его социальном измерении).

В действительности же системный и жизненный миры находятся между собой в сложных связях, и их разделение возможно лишь в рамках определенной онтологической картины мира. В известном смысле взаимодействие между ними можно представить как своеобразное "перетягивание каната" между социальными субъектами с целью расширения сферы их влияния в обществе.

По мнению одного из выдающихся теоретиков современной социологии Ю. Хабермаса, социальный мир сегодня таит в себе большую опасность, связанную с "внутренней колонизацией" жизненного мира, с постоянно усиливающейся экспансией со стороны системного мира, с его подчинением логике эффективности и целесообразности (рациональной инструментальности), господствующей в экономике и государстве. Это проявляется в тенденции экстраполяции некоторых образцов и символических средств системного мира (например, денег или власти) на явления жизненного мира, который формируется коммуникативными действиями людей, ориентированными на взаимопонимание. Чтобы защититься от проникновения "чуждых" его природе элементов и обезопасить себя от "вторжения" административной (бюрократической) или экономической рациональности, жизненный мир порождает многообразные социальные движения, призванные не только приостановить рост системной экспансии, но и распространить правила коммуникации, основанные на достижении согласия и взаимопонимания, на отношения людей, господствующие в системном мире.

Как "синтетическая" наука о социальной подсистеме жизненного мира социология жизни, с одной стороны, объединяет подходы разных социальных наук, а, с другой, противопоставит "социологии системного мира", в которой используются традиционные и, как правило, позитивистски ориентированные методы исследования.

По-видимому, можно предположить, что обе разновидности современной социологии ("системная", объективистская и "жизненно-мировая", дуалистическая) не только имеют право на самостоятельное существование, но и с необходимостью дополняют друг друга, обогащая арсенал собственных средств и рассматривая социальную реальность в единстве и взаимосвязи системных и жизненных начал. Каждая в отдельности из них имеет достаточно ограниченную сферу применения и распространения. Так, например, методы "системной социологии" могут быть лишь частично использованы при изучении жизненного мира, и, наоборот, методы социологии жизни оказываются малоэффективными для постижения системной организации социального мира.

Однако вместе с признанием самостоятельности и взаимодополняющего единства двух относительно различных социологических взглядов на социальный мир необходимо отметить принципиальное отличие социологии жизни как особой научной картины этого мира. По нашему мнению, оно состоит в противоположном ("системно-функциональному" взгляду на данный мир) подходе к рассмотрению социальной реальности.

Социология жизни исходит из признания "первичности" жизненного мира в конституировании и институционализации всей социальной реальности, в т.ч. системного мира. Не объективные законы общественных систем, а жизненные потребности и интересы людей, их объединений выступают первопричиной нового социального порядка, а также вновь создаваемых или реконструируемых организационных форм, институтов. На определенном этапе общественного развития эти формы и институты, образуемые вначале субъектами и в их собственных интересах, могут отчуждаться от "материнского лона" и превращаться в самодостаточные и самовоспроизводящиеся системы, подавляющие или ограничивающие жизненную активность их создателей. И постепенно, шаг за шагом люди могут становиться рабами своих же собственных со-

циальных творений, подчиняясь логике их развития и соотнося с нею жизненные цели.

В известной мере такое ограничение жизненного пространства субъектов оправдано. Оно продиктовано, например, необходимостью правового или экономического регулирования жизненных отношений людей в тех случаях, когда их возможности прийти к соглашению посредством коммуникации оказываются исчерпанными.

Поэтому для понимания онтологического статуса социологии жизни недостаточно указать на примат жизненных явлений по отношению к явлениям системного мира. Необходимо также показать обратную зависимость жизненного мира от системной организации социального пространства.

Объект и предмет социологии жизни

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что сферой изучения социологии жизни является не весь социум, как таковой, а жизненный мир людей, взятый в его социальном измерении. Он представляет собой совместно переживаемое и разделяемое людьми пространство жизни, охватывающее все возможные и действительные горизонты их индивидуального и коллективного опыта. Социальное измерение жизненного мира в отличие от его индивидуального ("экзистенциального") измерения организуется в форме гражданского общества, т.е. союза или коалиции автономных субъектов (личности, групп и т.д.), связанных между собой равноправными (в юридическом отношении) договорными обязательствами и имеющих собственные источники существования, независимые напрямую от официальных политических, идеологических и экономических систем.

Следовательно, объектом социологии жизни выступает социальная область жизненного мира людей. Этот объект характеризуется не только дуалистичностью, но и двухступенчатостью с точки зрения уровней социологического познания. На объективном уровне социальной жизни социолог фиксирует факты поведения и взаимодействия участников жизненного процесса, а на субъективном - факты их индивидуального и коллективного сознания, выражаемые в суждениях, оценках, мнениях и прочее. С этим связано принципиально иное, чем в традиционной социологии, представление о структуре и последовательности социологического постижения социальной жизни.

Для того чтобы "проникнуть" в социальный мир жизни людей, социологу недостаточно получить лишь объективную информацию, т.е. знание об объекте (той части реальности, которая складывается в результате "естественных" факторов и законов, т.е. относительно независимо от сознания субъектов). Необходимо учитывать также и то, что объекты социального мира конституируются людьми в ходе их жизненной практики. Объект рассматривается в данном случае как сфера приложения познавательной или практической деятельности субъекта жизненного процесса (в т.ч. социолога), выделяемая им из всех других явлений реальности.

Поэтому знание о социальных феноменах жизненного мира - это знание того, как одни субъекты жизненного процесса образуют в прошлом или настоящем некоторые "зоны активности", являющиеся в свою очередь объективными для других субъектов. К этому необходимо добавить также как представления самих субъектов об объектах социальной жизни, так и их отношение (субъективное или интерсубъективное) к данным представлениям. Следовательно, сферой изучения социологии жизни выступают явления разного типа и уровня: социальные феномены (то, что является в действительности объектами жизнедеятельности людей и проходит через их сознание), социальные представления, в т.ч. представления об этих феноменах, выраженные в символической форме, а также рефлексивное отношение к феноменам жизни и представлениям о них.

Главный предмет социологии жизни - **институционализация и деинституционализация социальной жизни** людей или, говоря иначе, то, как различные социальные

формы их жизненного процесса оформляются объективно (т.е. организационно и культурно упорядочиваются) и то, как они распадаются под влиянием изменившихся субъективных факторов (ценностей, установок и интересов этих людей). Институционализация социальной области жизненного мира, выступающая в качестве предмета социологии жизни, охватывает собой широкий круг явлений, в т.ч. создание новых культурных образцов, развитие альтернативных стилей жизни, возникновение организационных форм гражданского общества, ориентированных на удовлетворение постоянно растущих и разнообразных потребностей людей.

Социология жизни как исследовательская перспектива и область междисциплинарного синтеза

Социология жизни не претендует на статус новой парадигмы в социологическом знании. Она представляет собой определенную исследовательскую перспективу, необходимость разработки которой осознана в той ли иной мере многими представителями научного (социологического, антропологического и психологического) сообщества. Следовательно, социология жизни рассматривается нами как область научного знания, образуемая на "стыке" различных теоретических парадигм и комбинирующая разные методологические подходы и ориентации. Чтобы завоевать "место под солнцем" в научном сообществе, она должна пройти длительный путь самоопределения, выработать собственный концептуальный и методологический аппарат и обрести сторонников.

Таким образом, социологию жизни нельзя квалифицировать как новую научную парадигму. Это - скорее область *синтеза* различных научных дисциплин, изучающих жизнь людей в обществе. Ведущую роль среди этих дисциплин, безусловно, играет социология как "интегральная" наука о социальном мире в его конкретно-историческом срезе. Не претендуя на универсальность и привилегированное положение в системе общественных наук, она, тем не менее, продолжает сохранять интерес к совокупным, интегративным проблемам общества, социальной реальности в целом.

Второй по значимости и практической роли в формировании социологии жизни выступает антропология. Она является областью научных исследований, которая с самого своего возникновения стремилась к изучению целостного бытия человека. К исследованию жизненных состояний людей как целостных феноменов их повседневной жизни, пожалуй, ближе всего подошла социальная и культурная антропология. На примере примитивных и традиционных народов она выработала мощный и достаточно разнообразный арсенал методов, которые сегодня стали общепринятыми в социальной науке и вполне могут быть применимы к изучению жизненных явлений - форм, констант и структур.

Попытки теоретического синтеза антропологии и социологии нашли свое отражение в работах известных представителей современной социальной мысли Э. Тириакаяна и Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и Э. Гидденса, являющихся для нас образцом междисциплинарных исследований. Антропологизация современной теоретической социологии становится реальным фактом развития социально-гуманитарного знания. На это указывают многие отечественные исследователи [9]. Однако и другие области знания (философия, психология, культурология и т.д.) вносят свой посильный вклад в становление и развитие социологии жизни. С их помощью она шаг за шагом "обрастает" новыми концептуальными построениями, понятиями, методами и средствами.

Теоретико-методологические основания

В качестве главных оснований комплексного социологического изучения жизненных процессов выступают, прежде всего, антропологический подход и социальный анализ. Принципиальное различие между указанными подходами состоит в следующем: антропологический подход ориентирован с самого начала на изучение природы родового

человека и тех жизненных форм, которые выражены в культуре как универсальном и специфически человеческом способе существования и развития социума, а социальный анализ направлен в свою очередь на исследование социального качества человека как личности и институциональных форм, представленных в системе нормативно опосредованных и статусно обусловленных ролевых отношений.

Антропологический подход

Жизненные формы исследуются в антропологии двояким образом: как структурные, концентрированные образования, обладающие институциональным характером (например, институт семьи, обычаи и пр.) и как внеструктурные, диффузные, внеинституциональные явления (константы, остающиеся после "вычета" институциональных форм) [10, с. 50-51]. Антропологический подход в более узком смысле характеризуется в целом исследовательской установкой, определяющей движение научной мысли «от "внешних"» слоев социальной организации системного мира к латентным структурам жизненного мира, от социальных институтов как устойчивых форм социальных отношений к культуре как истинной структуре социальной жизни. Поэтому его главным объектом выступает, как известно, не общество, а культура. На это обращает внимание Э. Тириахьян в своей общей теории социального существования [11, с. 142-160].

Антропологи в отличие от социологов ищут корни различных социокультурных явлений, проникая в глубинные слои социальной реальности, которые отличаются диффузным, доструктурным и во многом бессознательным характером взаимодействия людей. Они стремятся обнаружить за внешним фасадом той или иной социальной организации обособившиеся комплексы синкретически связанных действий, переживаний и мыслительных актов людей. С точки зрения интересующего нас предмета они ориентируют исследование жизненных феноменов на выявление их досознательных состояний, предшествующих сознательным ориентациям и установкам.

Социальный анализ

Социология занимается исследованием "нормальной" социальности, которая выступает на поверхности как совокупность институциональных форм или нормативных конструкторов социального взаимодействия [10, с. 87]. Она характеризуется установкой на познание институциональных аспектов социальной жизни, выявление ее "проблемных узлов" и жизненно важных зон. При этом социология поднимается в процессе познания от "глубинных" слоев на видимый, поверхностный уровень социальной реальности. Одним словом, она совершает (в отличие от антропологии) обратное движение в познавательном смысле.

Социальный анализ выступает основным методом рефлексивной антропологии и социологии П. Бурдьё [12]. В его понимании - это метод "клинического использования" социологии и антропологии, включающий сбор анамнеза, собственно анализ и терапию. В предмет социального анализа должна быть включена, по мнению П. Бурдьё, как сама социальная реальность, так и ее восприятие, т.е. представления о ее состоянии и развитии, возникающие у субъектов в зависимости от позиции, которую они занимают в реальном социальном пространстве. Другими словами, в ходе анализа социальных позиций субъектов необходимо учитывать как структурные рамки, определяющие субъективные представления действующих индивидов, так и габитус (ментальные модели постижения социального мира), предполагающий различные стили жизни возникающих и существующих в обществе групп. Отсюда следует, что позиционный анализ должен быть дополнен институциональным подходом, определяющим "ценностно-нормативные" рамки социальных действий людей. Таким образом, если антропология (прежде всего, культурная и социальная) делает упор на изучение жизненного мира в его латентных, доструктурных и предсознательных формах, то социология исследует явные, внешне выраженные и институционально обусловленные структуры социальной жизни, проявляющиеся на социетальном уровне.

Социология жизни по своему методологическому статусу является комплексной и междисциплинарной областью исследования. Комплексный (антрополого-социологический) подход направлен на всестороннее изучение жизненных форм как "целостных социокультурных феноменов". Жизненные формы имеют несколько интересных нас аспектов: (1) они обуславливают способ удовлетворения базовых потребностей и реализацию установок личности (личностный аспект); (2) они представляют основные идеи, значения и ценности (культурный аспект); (3) они "организуют" и "регулируют" отношения между участниками жизненного процесса (социально-организационный аспект). Одним словом, жизненные формы - это одновременно результат и важное условие активного взаимодействия людей между собой и с окружающей (природной и социальной) средой.

Чтобы охватить все многообразие жизненных явлений, социология жизни должна располагать мощным арсеналом методов и средств.

Модели социологического изучения жизни

В социологическом постижении реальной жизни людей можно наблюдать и фиксировать четыре основных способа: описание общества с целью использования его ресурсов (прагматическое описание), объяснение, понимание (интерпретация) и изменение (преобразование). На этом основании Ю. Хабермас выделял четыре типа познавательных интересов - технически-манипулятивный (знание о способах манипуляции социальными предметами и благами), объясняющий (знание об "объективных" свойствах и причинно-следственных, функциональных и иных связях социальной жизни), коммуникативный (знание о смысловом содержании и символических посредниках социального мира) и практически-преобразовательный (знание о возможностях и способах изменения реальных свойств и характеристик социальных явлений жизни).

Жить в обществе - это значит одновременно знать, как использовать его блага, объяснять, понимать и изменять происходящее в нем. Поэтому социология должна располагать познавательными средствами, позволяющими ей обеспечивать в научном смысле все указанные способы постижения жизни людей в обществе. Она подобно театру одного актера попеременно выступает в разных масках и ролях - то как прагматическая наука, то как объясняющая дисциплина, то как "понимающая" теория, то как социальная инженерия.

Таким образом, главное призвание социологии жизни - быть инструментом само-описания и самообъяснения, самопонимания и самоизменения общества как совокупного субъекта социальной жизни. Далеко не каждый человек, живущий в обществе и пользующийся его ресурсами, может выполнить хотя бы одну из этих функций. Как подчеркивает П. Монсон, "жить в обществе - необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы иметь возможность изучать его" [13, с. 53]. К этому необходимо добавить еще одно условие - наличие соответствующей мотивации (мотива изучать общество, т.е. объяснять, понимать и изменять его). В этой связи необходимо различать следующие исторические формы социологии жизни: (1) "объясняющая" социология (Э. Дюркгейм, М. Мосс и др.), (2) "понимающая" социология (М. Вебер, А. Шюц и др.), (3) "изменяющая" и "критическая" социология (А. Гоулднер, К. Поппер и др.).

Подводя итог нашим предварительным суждениям, можно констатировать, что социология жизни - это:

- **диалектическая** социология, признающая дуальность в качестве способа (принципа) организации социальной жизни, ее изначальной двойственности (идеальности и реальности, объективности и субъективности, "естественности" и "искусственности" и пр.) и опирающаяся на принципы диалектики (например, принцип единства и многообразия социального мира);

- **реляционистская** социология, которая в отличие от "субстанционалистской" теории рассматривает социальный мир не как содержащий изначально данную субстанцию, а как постоянно меняющуюся конфигурацию (взаимное расположение) определенных жизненных процессов, форм и связей между людьми;

- **деятельностная и конструктивная** социология, которая не только вырабатывает представления о путях преодоления отчужденного отношения людей к социальным явлениям, но и активно вовлекает их в процесс совместного конструирования социальной реальности;

- **качественная** социология, т.е. социология, основывающая свои выводы преимущественно при помощи качественных методов;

- **аксиологическая** (т.е. ценностно-ориентированная, а не "ценностно-нейтральная") и **гуманистическая** социология, направленная на реализацию человеческих ценностей и гуманизацию общественных отношений;

- **рефлексивная и критическая** социология, стремящаяся в процессе постижения социальной жизни не просто к "объективной фиксации объективных фактов", а к более полному и критическому отображению жизненных процессов с учетом позиций их участников, в т.ч. позиции самого социолога как познающего или преобразующего субъекта;

- **практическая**, а не "созерцательная" социология, т.е. социология действия или изменения, активно участвующая в преобразовании общественной жизни в интересах самих субъектов и при наличии культурных и нравственных ограничений.

Как видно из приведенных выше фрагментов, есть и то, что сближает наши позиции с Ж.Т. Тощенко. Нас обоих, хотя и по разным причинам, интересуют факты поведения и сознания людей, живущих в обществе. Но не будем спешить с выводами. Возможно, в ближайших номерах "Социса" мои подозрения будут развеяны и автор представит нам развернутое представление о концептуальном содержании социологии жизни и за данным названием появятся, наконец, ростки нового социального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социол. исслед. 2000. № 2.
2. См.: *Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М., 1995; *Резник Ю.М.* Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 4.
3. *Тощенко Ж.Т.* Социология. Общий курс. 2-е изд. М., 1999.
4. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная онтология. М., 1999.
5. См.: *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 2. М., 1998.
6. *Комаров М.С.* Введение в социологию. Учебник для вузов. М., 1994.
7. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. М., 1999.
8. *Резник Ю.М.* Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 4.
9. *Ильин В.В.* Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? 1996. № 10; *Кузнецов А.М.* Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // Личность. Культура. Общество. 2000. Вып. 1; *Резник Ю.М.* Социальная антропология как научная дисциплина // Социол. исслед. 1997. № 5 и др.
10. *Ионин Л.Г.* Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997.
11. См.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977.
12. См.: *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993; *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис "классов". // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1; *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1-2; *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть. // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Весна 1993. М., 1993. Т. 1. Вып. 2.
13. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М., 1994.